

Оглавление

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. Охотник становится добычей	13
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>27</i>
ГЛАВА 2. Верные слуги	28
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>42</i>
ГЛАВА 3. Позор Белого Дракона	43
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>55</i>
ГЛАВА 4. Танцы лжецов	56
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>72</i>
ГЛАВА 5. Тэнгу	73
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>80</i>
ГЛАВА 6. Это мое имя	81
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>95</i>
ГЛАВА 7. Сказания о драконах и свиньях	96
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>109</i>
ГЛАВА 8. Когда храбрец спит	110
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>124</i>
ГЛАВА 9. Бумажные тигры	125
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>143</i>
ГЛАВА 10. Проклятое число	144
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого .....</i>	<i>158</i>

ГЛАВА 11. Четыре имени бабочки	159
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>177</i>
ГЛАВА 12. Переполох в онсэнэ	178
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>204</i>
ГЛАВА 13. Ёкаи и их еда	205
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>224</i>
ГЛАВА 14. Старые и немощные	225
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>241</i>
ГЛАВА 15. Служение	242
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>263</i>
ГЛАВА 16. Каменное сердце	264
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>296</i>
ГЛАВА 17. То, что можно исправить	297
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>309</i>
ГЛАВА 18. Женская доля	310
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>336</i>
ГЛАВА 19. Потерянные дети	337
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>370</i>
ГЛАВА 20. Семь самураев	371
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>395</i>
ГЛАВА 21. Старинный друг живого божества	396
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>413</i>
ГЛАВА 22. Карающая длань	414
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>436</i>
ГЛАВА 23. Гумиётё	437
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>461</i>
ГЛАВА 24. Проклятие слов	462
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>488</i>

ГЛАВА 25. Долг и судьба	489
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>510</i>
ГЛАВА 26. Сбывшиеся мечты	511
<i>Из заметок путешественника Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>536</i>
ГЛАВА 27. Ненапрасная смерть	537
<i>Последняя заметка Гонзы Стракатого . . . . .</i>	<i>561</i>
ЭПИЛОГ	562

ПРОЛОГ

Он бежал через лес, обивая ступни о камни. Он даже не знал, куда и зачем бежит: с каждым шагом и вздохом от его разума словно отрезали кусок, а память превращалась в ворох разрозненных образов. Неясная боль и ужас не позволяли остановиться и попытаться поймать ускользающие обрывки. Бежать прочь, как можно скорее, пока не забрезжит луч новой жизни, пока не отрезали последнее — имя...

Выбившись из сил, он привалился к стволу мертвой сосны и осознал, что имя его покинуло. Не осталось ничего, кроме тела, страха и смятения.

— Мое имя, — произнес он громко, чтобы услышать свой голос. Тот прозвучал знакомо, но не принес воспоминаний.

Он осмотрел себя. Кимоно изорвано и в крови, тело покрывают ссадины и синяки, на правой руке не хватает среднего пальца, но рана еще не затянулась — должно быть, он потерял палец пару недель назад. На поясе он обнаружил ножны, а в них — катану, но никаких воспоминаний она не принесла. Он ощупал лицо, покрытое многодневной щетиной, и длинные растрепанные волосы. Без толку.

Он пуст. Он дерево, разбитое молнией, вырванное из земли с корнями.

— Никто.

Такое имя он выбрал, чтобы хоть как-то себя называть.

Никто бежал, пока сознание не покинуло его.

Проснувшись, Никто обнаружил, что лежит у костра. Одежду с него сняли, раны перевязали чистыми тряпицами. Кто-то уложил его на циновку и укутал в одеяло. Рядом потрескивал костер. «Это я сделал?» — спросил себя Никто, но память не ото-звалась. Приподнявшись на локтях, Никто увидел человека, сидевшего у костра напротив него. Тот дремал, оперев голову на кулаки, словно его сморило ожидание. Узнать его не удалось; впрочем, Никто и самого себя узнать бы не смог, что уж говорить о других?

Поодаль лежал походный короб, котелок, свернутая одежда; незнакомец явно путешествовал один. И это он, скорее всего, позаботился о Никто: промыл и перевязал раны, согрел и, кажется, накормил — желудок больше не сводило от голода.

— Эй, — тихо позвал Никто.

Веки незнакомца дрогнули, и он поднял голову. Никто всмотрелся в его черты: самое обыкновенное лицо, не молодое и не старое, не выражающее ни угрозы, ни страха. Должно быть, горожанин. Человек протер глаза, сгоняя дремоту, улыбнулся и сложил руки в приветствии:

— Вы проснулись! — обрадовался он. — Простите, я позволил себе снять вашу одежду и прикоснуться к вам, но я лишь хотел прочистить ваши раны. Не сочтите за грубость, и это, конечно, не мое

дело, но... мне показалось, что вы в беде и вам нужна помощь, господин.

Никто поприветствовал спасителя в ответ. Тот заулыбался, словно ему оказали великую честь. «Может, он думает, что я — какой-то знатный человек? Потому помог и ждет благодарности?»

— Простите, если мое любопытство слишком назойливо, — продолжил незнакомец, — но осмелюсь спросить: вы потерялись? На вас кто-то напал?

Никто решил, что врать ему не о чем: чтобы врать, нужно хоть что-то понимать.

— Я не знаю, что со мной произошло. Я даже не помню, кто я такой.

К его удивлению, человек снова принялся кланяться.

— Да, господин, вы говорили то же самое, когда вышли к моему костру. О, бойня еще не закончилась, хоть утверждают, что Гирада и Укири заключили вечное перемирие. Чушь! Наш Остров стал еще опаснее! Вы похожи на самурая, мой господин. — Он заметно осмелел и указал пальцем на голову Никто: — Только самураи носят волосы такими длинными. А ваши руки — руки настоящего воина! И ваш меч... Шесть лет назад бандиты уничтожили мой дом и все, что мне было дорого... а затем пришли благородные самураи, услышали мою историю и отомстили. Я поклялся, что буду помогать любому самураю, которого встречу на пути. И вот: Гаркан и все боги послали мне вас.

А ведь правда: Никто мог быть самураем. Он был крепче, выше и крупнее своего нового знакомого, пальцы Никто покрывали мозоли, а рукоять катаны ложилась в руку так, будто была ее продолжением.

«Я — самурай, и потому он спас меня», — проговорил про себя Никто, и слова не вызвали в нем сомнения. Благодаря этому человеку вернулась хотя бы крупица памяти, а может, вернется что-то еще. По крайней мере, с ним Никто не умрет от голода.

Никто сел на колени и поклонился незнакомцу так же глубоко.

— Вы спасли мне жизнь. Как ваше имя?

— Люди зовут меня Аяшике, господин, — расплылся тот в улыбке.

Аяшике предложил самураю вместе отправиться в Оцу, а там свести с управителем города. Дзито Тайро, конечно, не откажет в помощи воину, что совсем недавно кровью и потом защищал Укири. Впрочем, Никто не был похож ни на укирийца, ни на гирадийца. Аяшике предположил, извиняясь, что Никто больше всего напоминает айнэ: эти люди жили на небольших островах к северу от Богоспасаемого Острова — самого крупного в здешних морях, на котором и располагались Гирада и Укири. Айнэ считались диковатым племенем, но на воинскую службу их принимали охотно: они были высоки, крепки и сильны. В конце концов, Никто согласился пойти в Оцу вместе с Аяшике. А что еще ему оставалось?

Аяшике путешествовал один и за долгую дорогу устал от молчания. Поэтому теперь, с позволения Никто, которому все равно было нечего рассказать, болтал без остановки: меня повязки на ране, готовя еду, на ходу. Так Никто узнал, что Аяшике был чиновником четвертого ранга в городишке Сутэ и направлялся с бумагами в портовый город Оцу. Война забрала его семью и всех друзей. Гираду Аяшике ненавидел. Он собирался, если позволят,

остаться навсегда в укирийском Оцу, подальше от границы с Гирадой. Спустя пять дней пути пустая голова Никто наполнилась историями из жизни Аяшике. Запоминать было легко: прошлое не спешило возвращаться.

Но вскоре Никто обнаружил, что перестал ждать его возвращения. Когда Аяшике умолкал и Никто пытался достучаться до памяти, его сжирала тревога. Может, то, что он забыл самого себя, — благо, а не проклятие? Впрочем, даже если так, что делать дальше? В Оцу наверняка будут расспрашивать его, чужака, у которого нет ни пропускных грамот, ни даже имени. Город становился все ближе. А Никто понимал, что о Гиrade знает куда больше, чем об Укири, о воинской службе — больше, чем о государственной, об оружии — больше, чем о сочинении стихов. Значит, он действительно самурай, да еще и гирадийский... И пусть Укири теперь принадлежит Гиrade, война, как справедливо заметил Аяшике, не закончилась в сердцах людей. Вряд ли укирийцы примут беспамятного гирадийского самурая с распростертыми объятиями; скорее убьют и скормят тело свиньям, чтобы утолить жажду мести.

А еще Никто с удивлением обнаружил, что, пусть он самурай и у него нет ничего и никого, мысль о смерти приводит его в ужас. Он не хотел расставаться с жизнью, какой бы ничтожной она сейчас ни была. Боги помогли ему перенести нечто настолько ужасное, что даже память его покинула. Наверняка его наставят на новый путь. Разумно ли отказываться от дара, не разгадав умысла дарителя?.. Позорные мысли, недостойные самурая! Но с каждым днем рис, который варил Аяшике, становился все вкуснее, сон — слаще, весеннее солнце ласкало кожу, и все вокруг умоляло: не спеши

умирать, борись за себя, борись за наслаждение, что тебе ниспослано!

— Уже послезавтра мы будем в Оцу! — весело сказал Аяшике, укладываясь на циновку у костра. — Новая жизнь, новый мир! О, как же я жду!

— Угу, — уныло пробормотал Никто.

Аяшике, подбадривая, мягко потрепал его по плечу — Никто, не желая обидеть, уже давно позволил ему такие приятельские проявления чувств.

— Не тревожься, друг мой. Я попрошу, чтобы тебе помогли. Тайро-сан — благородный господин, великий дзито, он не откажет защитнику Укири!

— Ты уже достаточно для меня сделал, Аяшике. Может, мне не стоит идти в Оцу...

— Верь мне, Никто! Я сделаю все, чтобы ты обрел там новую жизнь!

Никто поднялся, буркнув, что ему нужно в кусты. Счастливое лицо Аяшике еще долго мерещилось ему, пока он отходил все глубже в лес. Привалившись к сосне лбом, он задышал глубоко и медленно, пытаясь привести в порядок мысли, как вдруг...

— Мнешься, как баба. Позорище.

Странный голос, похожий на сдавленное карканье, в котором Никто едва разобрал родной язык, доносился из чащи. Привыкнув к темноте, Никто разглядел огромное двуногое существо, куда выше его самого, одетое, должно быть, в диковинный доспех то ли с плащом, то ли мешками, а то и крыльями за спиной.

— Кто ты? — прошептал Никто.

— Нет, кто ты? — нахально ответило существо и сделало шаг навстречу. На лице его оказалась маска в виде вороньего клюва — что это еще за птичий самурай? — Нет, я скажу: ты тупица. Я дал тебе то,

о чем ты так умолял. Но предупреждал, что закончить начатое должен ты сам. И че? Мнешься! Хотя все, что нужно, — это протянуть лапу и взять свою сраную «новую жизнь»!

— Это ты сделал со мной?

— Гаркан и все боги, какой же ты тупой! Ха-ха-ха! — Существо рассмеялось, и «клюв» оказался действительно клювом, а не маской — он раскрылся, выпуская противный каркающий хохот. — У нас была сделка, и я свою часть выполнил. А сейчас таскаюсь за тобой, как мамка, слежу, чтобы ты, дурак, не сгинул!

— Объясни, что за сделка?

— Если я скажу, все пойдет тануки под хвост. Тэнгу не раскрывают свои договоры посторонним — а ты теперь новый человек.

— Скажи мне!

— Они убьют тебя в Укири! Да и в Гиrade тоже! Че, опять сдохнуть хочется? Я, конечно, не дам тебе умереть, потому что ты мне теперь должен, а с покойника уже ничего не спросишь. Так что вали и делай!

И существо, издав на прощанье гортанный смех, растворилось во тьме. Но кое-что оно после себя оставило. Теперь Никто был уверен: он не просто так потерял память. Существо — тэнгу? — забрало ее, потому что Никто попросил сам. Со свитка его жизни стерли все слова, теперь он — чистый лист, ожидающий, когда новая кисть напишет новые истории. Главное — удержать этот лист. И есть только один способ...

Обратно к костру он тащился вечность. Не тело сопротивлялось, а ум: тело, напротив, налилось силой и слушалось Никто безупречно, словно тэнгу поделился с ним могуществом. Тело хотело вы-

жить. Но ум раз за разом повторял голосом доброго Аяшике: «Друг... Я сделаю все...»

А затем и ум оцепенел и умолк. Никто будто наблюдал со стороны, как снимает с походного мешка веревку, как протягивает ее под шеей спящего Аяшике, как Аяшике улыбается, видя приятный сон о прогулке с новым другом по улочкам Оцу.

«Друг» рывком затянул веревку на тонкой шее. Хрустнули кости. Глаза Аяшике раскрылись и уставились на убийцу; улыбка не успела сойти с губ, он умер, так и не вкусив долгожданной новой жизни.

Если бы Гаркан и все боги не хотели этой смерти, они не послали бы этого человека. Аяшике жаждал отдать долг самураям — получается, Никто исполнил его желание. Разве не так?

— Аяшике. — Никто поднес к лицу руки, рассматривая, как впервые, мозолистые девять пальцев, и снова произнес, знакомя тело с новым именем: — Аяшике.

«Это мое тело. Это мое имя. Это моя жизнь».

Похоронив старого Аяшике, новый отправился в путь и уже следующей ночью прибыл в Оцу.

ГЛАВА 1.

Охотник становится добычей

«Это не мое...» — Да заткнись ты. — Аяшике шлепнул себя по щеке, и ненавистный голосок умолк. Но следом за ним всегда появлялось беспокойство. На улицах Оцу сгущались тени, ночь была опасным временем. Если не занять себя выпивкой, разговорами, купанием или делом, то быть беде: голосок окрепнет, под кожей зашевелятся муравьи тревоги и накроет бессоница — так весь следующий день пойдет тануки под хвост.

Почему не подадут знак? Сколько ему еще стоять в кустах, как какому-то вору?

Уже подкатывала злость, Аяшике топтался, разгоняя кровь, и вдруг в окошке чайного домика довольствий зажегся огонек.

Он торопливо сбежал по пологому холму, перелез через низенькую ограду и убедился, что глухая и грязная улица пуста, как и было обещано. Аяшике успокоил дыхание, снял соломенную шляпу, расправил складки на кимоно и вошел в дом медленной и тяжелой поступью, достойной знатного господина.

Скрюченная то ли от возраста, то ли от подбострастия мама-сан поспешила к нему, как собачонка к хозяину. Четыре дзёро выстроились вдоль стены, расписанной журавлями в брачной пляске. «Аж в третий ранг пробралась», — отметил Аяшике, оценивая опрятные наряды девушек, хмыкая и хмурясь. Выбор был сделан еще до того, как он перешагнул порог, но Аяшике нравилась благоговейная тишина, которую принесло его присутствие. Приятно, когда тебя уважают, даже если это всего лишь девки-дзёро третьего с натяжкой ранга.

Наконец он кивнул на девушку с пухлыми, как у младенца, щеками. Ее взгляд метнулся из-под длинных ресниц — быстро, как бросок змеи, — но не ускользнул от Аяшике. Мама-сан раскудахталась, заверяя его в искусности юной Уи. Он учтиво кивал. Остальные дзёро поклонились и исчезли, словно их здесь никогда и не было.

Уя взяла Аяшике под руку — мягкая ладошка рядом с его волосатой лапицей казалась совсем крошечной — и повела в чайный домик. Девочки-помощницы лет десяти — будущие дзёро — уже подготовили sake, откинули москитную сетку, чтобы ничего не отвлекало господина, и зажгли свечи. Убранство было скромным, но до третьего ранга, пожалуй, дотягивало — видно, усердия маленькой Уе не занимать! Аяшике, хрустя коленями и кряхтя, сел на циновку, принял из рук Уи sake и влил в саднящую глотку, затем попросил еще и еще.

— Что еще скрасит ночи старика, полные боли, ломоты костей и огорчений о прошлом? — Аяшике приподнял очередную чашечку с sake. Он не лукавил: каждый глоток притуплял беспокойство и приносил задор. Уя осторожно, чтобы не обезобразить лица, рассмеялась.

— О каком старике говорит господин? — Она огляделась в очаровательном притворстве. — Я вижу только достойного мужчину в расцвете сил, знающего, как доставить себе удовольствие. А я, если позволите, подскажу, что еще может скрасить вашу ночь. Как господин хочет, чтобы я к нему обращалась? По имени или, может быть, по чину? Или вас потешит какое-нибудь прозвище?

Глаза Уи, превращенные улыбкой в томные щелки, оказались перед глазами Аяшике. Она начала свою игру, и кто угодно на его месте уже купился бы на призывное мурчание, мягкие щечки и внутреннее кимоно, показавшееся под внешним... Однако Аяшике не торопился: позволил телу немного обмякнуть, чтобы Уя забрала у него чашечку, поставила на поднос к чайнику и подвинулась ближе.

— Мне не нравятся мои имена. Пусть для тебя я буду Никем, странником без прошлого, спустившимся с горы Дракона Шаэ Рю, чтобы спасти тебя, — мурлыкал Аяшике. И снова от него не ускользнуло, как недовольно дрогнула под белилами бровь — о, она рассчитывала на имя. — Скажи лучше, как зовут тебя?

— Уя, — отозвалась девушка. Он ощутил, как на колено легла ее рука — дзёро вопрос не понравился, и она пыталась заново завладеть игрой.

— Нет-нет. Это имя тебе дали здесь. Как тебя звали раньше? Твое детское имя?

Рука на колене принялась разглаживать складки кимоно. На миг Аяшике блаженно прикрыл глаза, притворяясь, что подчинился нежным пальцам. Но стоило девушке расслабиться, как он посмотрел на нее прямо и требовательно. Мало кто мог выдержать этот его взгляд, и вскоре пухлые губы послушно вытолкнули:

— Мои родители звали меня Юки, господин.

При звуке этого имени — далеко не самого редкого, сколько в мире Юки! — демон беспокойства пробился сквозь блажь sake. Довольно: Ляшике схватил девушку за локоть, притянул к себе и прошептал:

— Тихо! Не дергайся, Юки-тян. Я не причиню тебе вреда. И руку убери, я пришел не за этим. — Колено дернулось, стяхивая ручку Уи-Юки. Казалось, еще немного, и дзёро завопит, но все же ума ей хватило. Успокоившись, Уя прошептала, торгуясь сама с собой:

— Простите меня за неучтивость, но, должно быть, вы с кем-то меня путаете...

— Не бойся. Послушай. Они сказали мне, как тебя зовут, и я нашел тебя. Я пришел, чтобы забрать тебя отсюда.

— Простите, мой господин, но...

— Юки!

Слово подействовало: улыбка дзёро угасла, а взгляд стал чужим — серьезным и суровым, каких не видел этот чайный домик раньше. Ляшике заговорщицки понизил голос:

— Мы немного подождем, чтобы никто ничего не заподозрил, и убежим. Я все подготовил, у меня две лошади, они ждут у главных ворот с моим слугой. Делай, что говорю, и я верну тебе твою жизнь.

— Благость господина не знает границ, но господин не должен переживать о Юки. Мой дом — здесь. Мама-сан оказала мне великую честь, приютив под своим крылом...

— Они послали меня, чтобы сообщить: твоя тайная работа здесь окончена. Я знал лишь твое имя, но наблюдал за дзёро и понял, что Юки — это ты. Ты хорошо потрудились и будешь вознаграде-

